

Вмѣстѣ съ французенкой поднялся и одинъ изъ ея кавалеровъ съ петербургскими бакенбардами и большими глазами навывагъ, налитыми виномъ. Онъ тоже поклонился Рынину шумно и крикнулъ съ дурнымъ акцентомъ:

— Ici, ici!..

Вошедшій мужчина былъ дѣйствительно Парменій Никитичъ. Онъ второй день уже жилъ въ Остенде, зная, что Зина здѣсь, и не искалъ ея усиленно, но сказалъ себѣ, что въ теченіе двухъ сутокъ онъ долженъ ее встрѣтить на улицѣ, во время купанья, въ кургаузѣ. Самъ онъ не мечталъ о такой встрѣчѣ, — въ этой толпѣ, за столикомъ, съ соломенкой, совершенно одна.

Рынинъ пошелъ сначала на зовъ русской компаніи и мимическое приглашеніе французенки. Мужчины были инженеры, пріѣхавшіе съ какого-то конгресса. Одного изъ нихъ онъ зналъ еще съ восточной войны. Съ нимъ столкнулся онъ въ биліардной, гдѣ возобновилъ знакомство и съ Діаной, извѣстной всему Петербургу. Діана больше пяти лѣтъ выставляла себя въ ложѣ Михайловскаго театра. Въ биліардной она успѣла ему сообщить, дѣловымъ пріятельскимъ тономъ, — Рынинъ у нея на дому никогда не бывалъ, — что она покончила съ Петербургомъ, потому что ея послѣдній покровитель — румынскій финансистъ — „a été exécuté“ на биржѣ, и Петербургъ вообще сталъ никуда негоднымъ, „infecte“; въ маѣ продала она всю свою движимость: экипажи, мебель, ковры, все — черезъ своего „homme d'affaires“. Спросила она его, между прочимъ, не былъ ли онъ на этомъ аукціонѣ, и пригласила къ себѣ въ Парижъ, гдѣ она взяла „un petit pied à terre“, до переѣзда въ Ниццу, если не будетъ тамъ холеры.

Рынинъ сейчасъ же ей замѣтилъ, — безцеремонно, дерзко, переходя самъ на ты, — хотя она держалась тона дамы:

— Tu as filé?!..

И доказалъ ей, что она потому не осталась сама продавать свои вещи, что зарвалась въ долги. Діана хотѣла-было сказать ему рѣзкость, однако воздержалась. Она его считала если не богатымъ, то съ большими связями въ обществѣ. Она удовольствовалась тѣмъ, что при инженерахъ сосчитала, сколько она прожила въ Петербургѣ, въ пять лѣтъ:

— Deux cents mille roubles, — выговорила она безъ хвастовства.

Подгулявшій инженеръ закричалъ даже:

— Мое почтеніе!

Рынинъ повѣрилъ ей — чѣмъ она осталась довольна и сказала ему: